Чжо Хуа отвел взгляд от Чу Ичэня, уставился на выпавшие цифры на костях и залпом опрокинул первый бокал.

Обжигающая жидкость опалила горло, но он упрямо сохранял невозмутимое выражение лица.

Спустя несколько партий на Чжо Хуа осталась одна лишь рубашка. От алкоголя щеки горели, а перед глазами все плыло, и игральные кости в стакане двоились.

Голос Чу Ичэня донесся словно сквозь туман, пропитанный какой-то дурманящей вкрадчивостью:

— Продолжим?

Он наклонился вперед, встряхивая стакан. Вторая пуговица на его рубашке неизвестно когда расстегнулась, обнажая полоску кожи под ключицей.

— Давай… — Чжо Хуа икнул и, схватив стакан, принялся яростно трясти его.

Чу Ичэнь наконец понял: этот упрямец скорее будет пить до последнего, лишь бы не отвечать на вопросы.

— Жульничаешь? — Чу Ичэнь внезапно подался вперед, сокращая дистанцию. Его горячее дыхание коснулось покрасневшего кончика уха Чжо Хуа.

Расстояние между ними стало настолько малым, что можно было разглядеть тени от ресниц друг друга.

— Если не ответишь… — он намеренно растянул слова, кончиками пальцев очерчивая напряженную линию челюсти собеседника, — то придется принять наказание за проигрыш в честной игре.

Мир перед глазами внезапно поплыл.

Чжо Хуа обмяк на диване, позволяя Чу Ичэню стереть капли вина с уголка его губ. Вдруг он вцепился в запястье другого и пробормотал себе под нос:

— Цзян Яньцы… ну и мерзавец же он…

Движения Чу Ичэня замерли, темные зрачки мгновенно потемнели. Он подтянул его к себе, прислушиваясь к невнятному бормотанию, и большим пальцем погладил затылок Чжо Хуа.

В гостиной не осталось ничего, кроме разбросанных бутылок и сбивчивого дыхания.

— А как же я? Кем ты считаешь меня? Ну?

Чжо Хуа с трудом разлепил веки, глядя на расплывчатый силуэт перед собой, и пробурчал:

— Ты? А ты кто такой?

Чу Ичэня этот ответ разозлил настолько, что он даже усмехнулся, подхватил Чжо Хуа на руки и понес в спальню. Он не собирался отпускать его, даже несмотря на прерывистые всхлипы.

— У меня кожа на ногах сейчас слезет… у-у-у…

— Тогда скажи, кто я?

— Чу… Чу Ичэнь.

— Маленький негодник, теперь узнал?

— М-м… потише, потише…

*

Утренний свет косыми лучами прорезал спальню сквозь занавески. Во сне Чжо Хуа вздрогнул от резкой боли.

Стоило сознанию вернуться, как тело отозвалось нестерпимой ломотой, словно его разобрали на части и собрали заново. Он резко открыл глаза, и обрывки воспоминаний сложились в единую картину: вчерашнее жаркое дыхание и сдавленные стоны у самого уха.

— Черт!

Он натянул одеяло на лицо, но тут же охнул от боли в ноющих мышцах. Чжо Хуа взъерошил волосы и, срываясь на хрип, выругался:

— Чу Ичэнь, ты, мать твою, просто животное!

Дверь со скрипом отворилась. Чу Ичэнь, прислонившись к косяку, с полуулыбкой наблюдал за тем, кто лежал в постели:

— Еще есть силы ругаться? Знал бы, что так быстро оправишься, постарался бы еще «усерднее».

Чжо Хуа сразу сник. Он уставился на него с глубоким недоверием:

— У тебя что, талант какой-то сверхъестественный? Это же просто не по-человечески!

Уголки губ Чу Ичэня изогнулись в многозначительной усмешке. Вчера, в пылу их близости, на лбу Чжо Хуа снова проступил тот самый цветок персика. Если кто тут и был не по-человечески странным, так это этот маленький оборотень.

Он прикусил внутреннюю сторону щеки и небрежно произнес:

— Разве это не прекрасно? Мы так подходим друг другу, не правда ли, созданы друг для друга?

Чжо Хуа заскрипел зубами от злости. Какие еще созданы друг для друга? Да этот человек — настоящее проклятие, посланное, чтобы свести его в могилу!

*

Бездельничать на работе, флиртовать после нее — такая безмятежная жизнь, наконец, пришла и к нему.

Однако телефон внезапно зажужжал. Чжо Хуа взглянул на экран: снова звонил Цзян Яньцы.

В последние дни этот человек названивал без конца, доводя его до белого каления. Чжо Хуа сбросил вызов, и тут же пришло сообщение от Цзян Яньцы:

«Мне нужно сказать тебе кое-что важное. Чжо Хуа, дедушка в больнице. Су Еюй и остальные заблокировали всю информацию, ситуация скверная. Где ты сейчас? Я заеду за тобой».

Пальцы Чжо Хуа лихорадочно застучали по экрану, он дрожащими руками отправил свою геопозицию. Каждая секунда ожидания казалась бесконечной. Через тридцать секунд экран снова загорелся:

«Жди меня».

Чжо Хуа обливался потом. В прихожей он, спотыкаясь, пытался надеть обувь, нелепо запихивая ноги в кроссовки.

Чу Ичэнь выглянул с лестницы второго этажа и, увидев его суету, поспешно спросил:

— Что случилось? Почему ты так спешишь?

Чжо Хуа вцепился в край обувного шкафа так сильно, что костяшки пальцев побелели.

— Мой дедушка…

Он открыл рот, но горло словно сдавило невидимой рукой. Обрывки фраз застряли в глотке, а глаза мгновенно наполнились горячими слезами. Крупные капли упали на мраморный пол прихожей, оставляя темные пятна, смешиваясь с его тяжелым, прерывистым дыханием.

Чу Ичэнь смотрел на него, и сердце его сжалось от боли. Не раздумывая, он бросился вниз по лестнице, его голос прозвучал низко и уверенно:

— Не паникуй. Я с тобой.

Он впервые видел Чжо Хуа в таком состоянии.

Черный седан Цзян Яньцы резко затормозил у ворот. Чжо Хуа почти вывалился из дома, бросившись к машине. Его красные глаза и сбившееся дыхание заставили Цзян Яньцы замереть. В зеркале заднего вида он увидел Чу Ичэня, который следовал за ними.

Цзян Яньцы дважды постучал пальцами по рулю и, сглотнув ком в горле, хрипло бросил:

— Садись.

Когда они добрались до больницы, Чжо Хуа даже не знал, в какой палате лежит старик Су, если бы не предварительная разведка Цзян Яньцы. Он вихрем влетел в лифт, но, стоило им подняться на нужный этаж, путь им преградили.

Мало того что персонал больницы не пускал внутрь, Су Еюй и Су Цинцин специально наняли охранников, чтобы те дежурили у дверей. Влиятельные родственники семьи Су уже давно связали свои интересы с Су Еюем и Су Цинцин, и с самого начала Чжо Хуа оставался единственным чужаком.

Через маленькое стеклянное окошко в двери палаты он заглянул внутрь. Дедушка, который всегда был таким суровым и упрямым, сейчас неподвижно лежал на кровати, его лицо пугало своей бледностью.

— На каком основании вы не даете мне его увидеть! Это мой дедушка! Или вы боитесь чего-то?

Еще пару дней назад, когда Чжо Хуа навещал его, старик Су мог отчитывать всех вокруг, ходил

без посторонней помощи и выглядел крепким. Как он мог за два-три дня оказаться в таком тяжелом состоянии, что даже с кровати встать не может? Здесь явно что-то нечисто.

Су Еюй, скрестив руки на груди, насмешливо наблюдал за ним, а Су Цинцин задрала подбородок, глядя на него свысока:

— Ты всего лишь бастард, разве ты достоин войти туда?

Глаза Чжо Хуа налились кровью, из горла вырвался рык, похожий на вопль запертого зверя, и он, обезумев, бросился к палате.

Цзян Яньцы и Чу Ичэнь обменялись взглядами, мгновенно поняв друг друга. Цзян Яньцы сбил с ног охранника слева, а Чу Ичэнь прорвал живой щит справа.

Втроем они проложили путь сквозь толпу. Но когда Чжо Хуа уже был готов коснуться дверной ручки, четыре или пять пар рук намертво вцепились в него сзади.

Он отчаянно тянулся вперед, его пальцы скользили по матовому стеклу двери. Сквозь эту холодную преграду он наконец разглядел расплывчатый силуэт — на бледном лице старика мерцал синий свет кардиомонитора.

Холод стекла еще ощущался на кончиках пальцев, но Чжо Хуа уже оттащили прочь. Насмешливый хохот Су Еюя окончательно растоптал этот мимолетный образ в хаосе больничного коридора.

http://bllate.org/book/18787/1824512